

*Библиотека
журнала
«Вопросы образования»*

Designing the New American University

MICHAEL M. CROW
WILLIAM B. DABARS

Модель Нового американского университета

МАЙКЛ КРОУ
УИЛЬЯМ ДЭБАРС

Перевод с английского
МИХАИЛА РУДАКОВА
под научной редакцией
МАРИИ ДОБРЯКОВОЙ

*Издательский дом
Высшей школы экономики*
МОСКВА, 2017

УДК 378.4
ББК 74.58
К83

Редакционный совет серии

ЯРОСЛАВ КУЗЬМИНОВ, ИСАК ФРУМИН,
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ, ЕЛЕНА ПЕНСКАЯ,
МАРИЯ ЮДКЕВИЧ, СЕРГЕЙ ФИЛОНОВИЧ,
ЛЕВ ЛЮБИМОВ, АЛЕКСАНДР СИДОРКИН,
ДАНИИЛ АЛЕКСАНДРОВ, ВИКТОР БОЛОТОВ

Дизайн серии

ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Научный редактор перевода

МАРИЯ ДОБРЯКОВА

Перевод книги: *Michael M. Crow, William B. Dabars. Designing the New American University*

Published by arrangement with Johns Hopkins University Press, Baltimore, Maryland

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики
<<http://id.hse.ru>>

doi:10.17323/978-5-7598-1519-8

ISBN 978-5-7598-1519-8 (рус.: в обл.)
ISBN 978-5-7598-1660-7 (рус.: e-book)
ISBN 978-1-4214-1723-3 (англ.)

Copyright © 2015 Johns Hopkins
University Press
All rights reserved.

© Перевод
на русский язык.
Издательский дом
Высшей школы
экономики, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

И. Фруммин. Почему эта книга будет интересна
русскому читателю 8

Предисловие к русскому изданию 13

Предисловие 18

Благодарности 22

ВВЕДЕНИЕ.

НАЙТИ X ПРИ ПОМОЩИ U 25

1. АМЕРИКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ
УНИВЕРСИТЕТЫ НА РАСПУТЬЕ 46

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ЦЕЛИ
«ВЫСШЕГО ОБУЧЕНИЯ» 61

ДОСТУП К АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЭЛИТЕ
ДЛЯ ШИРОКИХ СЛОЕВ НАСЕЛЕНИЯ 67

«АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА»,
МЕРИТОКРАТИЯ И МЕЖПОКОЛЕННАЯ
СОЦИОЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ 78

СВИДЕТЕЛЬСТВА СНИЖЕНИЯ УРОВНЯ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ 95

ДИПЛОМ КОЛЛЕДЖА КАК БИЛЕТ
В СРЕДНИЙ КЛАСС 103

ПРОЕКТИРОВАНИЕ НОВОГО
АМЕРИКАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА 110

2. «ЗОЛОТОЙ СТАНДАРТ»
АМЕРИКАНСКОГО ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ 116

«ЗЕМЕЛЬНЫЕ» ИНСТИТУТЫ – У ИСТОКОВ
АМЕРИКАНСКОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА 129

УТИЛИТАРИЗМ КАК ОСНОВА
«ЗЕМЕЛЬНЫХ» ИНСТИТУТОВ 133

«ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»:
НА ПУТИ К ДОСТУПНОСТИ
И ПРОЗРАЧНОСТИ 139

КУРС НА ДЕЦЕНТРАЛИЗОВАННЫЙ
И КОНКУРЕНТНЫЙ
«АКАДЕМИЧЕСКИЙ РЫНОК» 142
ДОГОВОР МЕЖДУ ФЕДЕРАЛЬНЫМ
ПРАВИТЕЛЬСТВОМ И АМЕРИКАНСКИМИ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИМИ УНИВЕРСИТЕТАМИ 146
МАСШТАБЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В АМЕРИКЕ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ 152

3. РАЗНОВИДНОСТИ
АКАДЕМИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ 166
ПУТЫ И СУТЬ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ 172
ФИЛИОПИЕТИЗМ ПОДПИТЫВАЕТ ИЗОМОРФИЗМ
И ОДЕРЖИМОСТЬ ПРЕСТИЖЕМ 177
СОПРОТИВЛЕНИЕ РЕФОРМАМ
В АКАДЕМИЧЕСКИХ КРУГАХ 183
БОРЬБА С «БОЛЕЗНЬЮ ИЗДЕРЖЕК»
В СФЕРЕ АКАДЕМИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ 197
ТРАДИЦИЯ, ДОСТОЙНАЯ САМОЙ
ОТЧАЯННОЙ ЗАЩИТЫ 204
4. ОТКРЫТИЯ, КРЕАТИВНОСТЬ
И ИННОВАЦИИ 213
ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА ЗНАНИЙ 218
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ РАЗРАБОТОК
НА БАЗЕ УНИВЕРСИТЕТОВ 225
5. ДИЗАЙН-ПРОЕКТ
ЗНАНИЕЕМОГО ПРЕДПРИЯТИЯ 247
ВОСПРОИЗВОДИТЬ ИМЕЮЩЕЕСЯ
ИЛИ ПРОВОДИТЬ ИННОВАЦИИ? 250
ПРЕОДОЛЕВАЯ «ПРОПАСТЬ ВЗАИМНОГО
НЕПОНИМАНИЯ» 257
МОДЕЛИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА 268
НЕБОЛЬШОЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС
О ВНЕДРЕНИИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ 280
ИССЛЕДОВАНИЯ «ПОД КОНКРЕТНУЮ
ЗАДАЧУ» И ПАРАДИГМА
ИССЛЕДОВАТЕЛЯ-ОДИНОЧКИ 286
НАВСТРЕЧУ ВЗАИМОПОНИМАНИЮ
В АКАДЕМИЧЕСКОМ СООБЩЕСТВЕ 292

6. ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИННОВАЦИЯМ
И УСТОЙЧИВОСТИ РАЗВИТИЯ 296
К АКАДЕМИЧЕСКОМУ ЛИДЕРСТВУ
В УСТОЙЧИВОМ РАЗВИТИИ 310
ПРЕОДОЛЕНИЕ ОГРАНИЧЕННОСТИ ЧЕЛОВЕКА 318
7. ПРОЕКТИРОВАНИЕ НОВОГО
АМЕРИКАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
НА РУБЕЖАХ ЗНАНИЙ 328
НЕОБХОДИМОСТЬ ПОИСКА МОДЕЛИ
НОВОГО АМЕРИКАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
В АРИЗОНЕ 342
УТОЧНЕНИЕ МИССИИ И ЦЕЛЕЙ 347
АКАДЕМИЧЕСКИЕ ДОСТИЖЕНИЯ
И МАСШТАБ ВЛИЯНИЯ 351
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО
НА ПЕРЕДОВЫХ РУБЕЖАХ ЗНАНИЯ 359
ДРУГИЕ ПОКАЗАТЕЛИ
ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ НОВОЙ МОДЕЛИ 364
ВЗАИМОСВЯЗАННЫЕ И ВЗАИМОЗАВИСИМЫЕ
ПРОЕКТНЫЕ УСТРЕМЛЕНИЯ 368
СОЦИЕТАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОЕ
ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОЕ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ 382
УПРАВЛЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЯМИ
В ГОДЫ РЕКОРДНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ
НЕДОВЛОЖЕНИЙ 397
ДАЛЬНЕЙШИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ
РАСШИРЕНИЯ МАСШТАБА 401
РЕПЛИКАЦИЯ МОДЕЛИ НОВОГО
АМЕРИКАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА 408
- ЗАКЛЮЧЕНИЕ.
НА ПУТИ К НОВЫМ АМЕРИКАНСКИМ
УНИВЕРСИТЕТАМ 411
- БИБЛИОГРАФИЯ 419

*Почему эта книга будет интересна
российскому читателю*

Впервые я услышал об Университете штата Аризона от моих американских коллег из университетов Лиги плюща¹. Говорили о нем с уважением, но с некоторым сомнением в допустимости такого нарушения конвенции, которое позволил себе Майкл Кроу. Дело в том, что за последние десятилетия со времен знаменитого «калифорнийского мастер-плана»² в США в основном утвердилась пирамидальная структура высшего образования (в том числе в государственном секторе), где небольшая группа элитных исследовательских университетов находится на вершине, среднюю группу занимают университеты, обеспечивающие высшее образование по массовым профессиям, и в основании находятся общественные колледжи, дающие, как правило, неполное высшее образование. Когда в 2002 г. Кроу (уйдя с высокой должности в Колумбийском университете) стал шестнадцатым президентом Университета штата Аризона в городе Феникс, этот вуз относился ко второй группе. В Аризоне в то время уже успешно функционировал первоклассный исследовательский университет в городе Тусоне. При этом Кроу не стал конкурировать с ним за ресурсы и престиж, переводя свой университет в разряд элитных исследовательских. Он предложил новую модель, в которой объединил особенности всех трех типов университета. Благодаря этой идее Университет штата Аризона прославился во всем мире и стал в 2016 г. самым инновационным университетом США по рейтингу журнала *U.S. News & World Report*.

Когда несколько лет назад мы обсуждали с Майклом, как возникла эта идея, он признался, что, переезжая в Аризону, подумывал о традиционном элитном исследовательском университете. Но для этого потребовалось бы отказаться от важнейших социальных и образовательных задач массового университета. Это не поддержал бы штат.

¹ Группа восьми наиболее престижных частных университетов США.

² Программа структурных преобразований высшего образования в Калифорнии, разработанная К. Керром и утвержденная в 1960 г.

И тут родилась идея, которую можно назвать «многопрофильный и многоуровневый университет».

Почему эта книга может быть интересна российскому читателю? Прежде всего, это первая на русском языке книга, если угодно, о массовом американском университете — высшем учебном заведении, открывающем свои двери для широкого круга абитуриентов.

До сих пор в нашей переводной литературе об американском высшем образовании (в том числе в серии «Библиотека журнала “Вопросы образования”») больше внимания уделялось традиционным исследовательским университетам (типа Гарвардского университета и Массачусетского технологического института) или колледжам свободных искусств. Но полноценная работа об американском университете, ориентированном и на элитную, и на массовую аудиторию, об истории развития высшего образования в США в целом на русском языке пока не появлялась. Поскольку сегодня именно вузовская система США является глобально лидирующей, нам важно понимать все элементы картины американского высшего образования.

Кроме того, предлагаемая книга не о прошлом. Она о будущем. Ее основной автор претендует на то, чтобы не просто рассказать о своем опыте, но предложить новый институциональный дизайн для одной из самых больших и богатых в мире систем высшего образования. Сегодня, когда все сильные страны, включая Россию, озабочены новыми подходами к развитию высшего образования в условиях его небывалой массовости, книга о модели массового университета приобретает особую значимость. По сути, она проблематизирует целый ряд попыток по выстраиванию сегментов элитных исследовательских университетов в таких странах, как Германия, Китай, Россия.

Модель Кроу разбивает границы между элитным и массовым сегментами. Его модель — большой (это важно!), многокампусный, многопрофильный университет, работающий с самыми разными студентами, не только проводящий исследования, но и обеспечивающий подготовку по массовым прикладным профессиям, организующий инновационную деятельность, участвующий в про-

граммах социального развития территорий. В таких университетах нередко происходит гибридизация миссий и функций вузов традиционных типов, а также комбинация различных организационных форм, наиболее подходящих для достижения многообразия запланированных целей и результатов. Так, Университет штата Аризона является одним из крупнейших государственных вузов в США с численностью студентов около 72 000 человек (осень 2016 г.).

В последние годы в литературе по высшему образованию идет дискуссия о границах нашего понимания университета. Близкая к предлагаемой Кроу модели идея флагманского университета, включенного в развитие локального сообщества, обсуждается в недавней книге под редакцией Дж. Дугласа из Университета Беркли³. С. Маржинсон из Университетского колледжа Лондона настаивает, что в условиях массовизации модель многопрофильного и многоуровневого университета будет доминирующей⁴. Фактически эта модель была опробована при создании федеральных университетов в России. Но попытки втолкнуть эти университеты в простые и привычные схемы и механизмы контроля привела не к обогащению, а к редукции модели. Может быть, эта книга поможет крупным российским университетам найти свою новую идентичность.

Некоторые особенности опыта Университета штата Аризона представляют особый интерес как для широкого вузовского читателя, так и для управленцев и экспертов. К ним относятся и механизмы трансформации университета, и его включенность в региональную повестку, и принципы работы с неоднородным студенческим контингентом.

Наше высшее образование переживает период быстрых изменений. Вузам приходится реагировать на большое число трендов. Речь здесь идет не только о таких

³ *Douglass J.* (ed.). *The New Flagship University: Changing the Paradigm from Global Ranking to National Relevancy.* Palgrave, 2016.

⁴ *Marginson S.* *The Dream Is Over: The Crisis of Clark Kerr's California Idea of Higher Education.* University of California Press, 2016.

масштабных изменениях, затронувших все сферы жизни, как, например, глобализация и развитие информационных технологий, но и о тенденциях, свойственных именно высшему образованию, — о снижении прямой финансовой поддержки государства, внедрении квазирыночных механизмов, росте влияния рейтингов, внедрении модульного и проектного обучения. Книга Кроу и Дэбарса содержит прекрасный пример опыта трансформации. Она описывает университет, который активно развивается в эпоху глобальных и глубинных перемен, университет, который, будучи по своей природе консервативным, пытается изменить свой ген рутинности на ген инноваций и трансформации.

Связи с местным сообществом, со штатом Аризона, с Югом США — одна из основ модели, описанной в книге. Опыт построения этих связей — ценнейший материал для тех вузов в нашей стране (а их десятки), которые решают аналогичные задачи. Программа «Опорные вузы», приоритетный проект «Университеты как центр пространства создания инноваций» исходят из такого же вызова. И хотя решения, предлагаемые в книге, сильно погружены в американский контекст, они могут стать отправной точкой для размышлений академических сообществ наших региональных вузов.

Многие российские университеты (в том числе ведущие) сталкиваются с вызовом академической неоднородности студенческого контингента. Эта проблема — одна из центральных в предлагаемой читателю книге. С одной стороны, как говорит Кроу, у него среди абитуриентов в абсолютных цифрах больше «школьных отличников», чем в Принстоне. С другой стороны, у него много и тех, кого называют «первым поколением в университете». Это — серьезный вызов, с которым не сталкиваются элитные университеты. Опыт Университета штата Аризона и в этой сфере может быть интересен для российского читателя.

В завершение этого короткого предисловия не могу не сказать, что Майкл Кроу — большой друг России и российского высшего образования. Каждый год, начиная с 2013 г., он прилетает к нам, активно работает в составе

Международного совета программы «5-100», делится своим опытом. Десятки ученых и университетских управленцев побывали за последние годы в кампусе в Фениксе. Майкл с энтузиазмом отнесся к перспективе перевода этой книги и немало ему способствовал.

При этом мне немного жаль, что эта книга — не воспоминания Кроу, а, скорее, глубокое описание модели университета, содержащее серьезный исторический и политический анализ развития американского высшего образования. Если бы Кроу написал воспоминания, то это была бы увлекательнейшая биография человека, который трансформирует огромную компанию.

Мне посчастливилось бывать в этом университете, немало разговаривать с Майклом. Я пытался понять, в чем его секрет, в чем его особенность как руководителя. Возможно, этот секрет можно увидеть из одной практики, которую он использует в управлении: по всему университету развешаны несколько тезисов — миссия университета. Они кажутся очень банальными: «Демонстрировать лидерство в академических достижениях и доступности», «Добиться становления университета как ведущего глобального центра междисциплинарных исследований, открытий и разработок к 2025 г.» и «Усилить местное влияние и социальную интеграцию». Для меня, циничного постсоветского человека, выросшего с недоверием к любым лозунгам, эти плакаты выглядят довольно странно. Но, кажется, секрет Майкла Кроу и состоит в том, что он думает, как такие высокие слова реализовать в повседневной практике. Он является, с одной стороны, человеком невероятно амбициозным, а с другой — реалистом. Видимо, этому редко встречающемуся сочетанию Университет штата Аризона и обязан своим процветанием.

И. Фруммин,
научный руководитель
Института образования НИУ ВШЭ

Предисловие к русскому изданию

Настоятельная потребность в широком доступе к образовательным платформам, содействующим производству знаний и инноваций, выдвинула высшее образование на первый план политических дискуссий по всему миру, о чем свидетельствует множество государственных инициатив по повышению качества образования и достижению академического превосходства. Одной из наиболее заметных из них является российский Проект 5-100: амбициозная попытка обновления и интернационализации ряда исследовательских университетов — внедрения в них стандартов исследовательского высшего образования, конкурентоспособного на глобальном уровне. Основной целью Проекта 5-100 является обеспечение вхождения к 2020 г. не менее пяти российских университетов в первую сотню ведущих мировых университетов согласно мировому рейтингу университетов. Ожидается, что каждый вуз — участник Проекта разработает свою стратегическую программу развития, будет стремиться максимизировать свое социальное воздействие и способствовать экономическому развитию, формируя инновационные кластеры между академическим сектором и научными подразделениями промышленных предприятий. Проект 5-100 содействует развитию сотрудничества между вузами и частным сектором на национальном и международном уровне и способствует усилиям по координации исследовательской деятельности с Российской академией наук¹.

Как член международного Совета по повышению конкурентоспособности ведущих университетов Российской Федерации среди ведущих мировых научно-образовательных центров, я оцениваю стремление России к усилению национальной конкурентоспособности посредством укрепления избранных университетов как образцовое. Возможно, политика России в данной сфере даже превосходит усилия других стран, о чем свидетельствует

¹ *Alekseev O. First Steps of Russian Universities to Top-100 Global University Rankings // Higher Education in Russia and Beyond. 2014. Vol. 1. No. 1. P. 6. <http://herb.hse.ru/data/2014/05/30/1325398755/1HERB_01_Spring.pdf>.*

впечатляющий рост расходов и реализация мер по укреплению научно-исследовательского потенциала университетов в рамках более широкого курса по внедрению инноваций посредством интеграции высшего образования и промышленности. Как зафиксировано в положениях Проекта 5-100, распределение финансирования на конкурентной основе призвано стимулировать инновации и повышать рейтинг университетов на международном уровне — это чем-то созвучно стимулированию конкурентных отношений между американскими университетами после Второй мировой войны и возвещает об отходе от традиционной централизации исследовательской деятельности в Российской Академии наук, сохраняющей свои господствующие позиции с советских времен.

Взяв курс на переход к рыночной экономике, российские руководители оценили тот потенциал, каким обладают университеты мирового класса для поддержания экономического роста. Так, Сколковский институт науки и технологий (Сколтех), центральное звено Инновационного центра Сколково, — совместный проект с Массачусетским технологическим институтом (MIT) по созданию российского аналога Силиконовой долины — возглавил российский экс-президент, ныне премьер-министр Дмитрий Медведев. Проект Сколково привлек финансирование и укрепил партнерские отношения с такими известными международными корпорациями, как Siemens, Microsoft, Boeing, Intel, Johnson & Johnson, Cisco, IBM — которые помогли ускорить интенсивное производство знаний совместно с академическим сообществом и промышленностью для содействия инновациям и последующего экономического роста — возглавил российский экс-президент, ныне премьер-министр Дмитрий Медведев.

Масштабы проекта грандиозны, учитывая, что широко распространенные рейтинговые показатели напрямую угрожают структуре российского высшего образования. По некоторым оценкам, структурные барьеры включают: доминирование («концентрацию денег и талантов») Российской Академии наук; ограниченность многих университетов узкой сферой исследований; относительное отсутствие исследователей и экспертов на пике карьеры

(«недостаток специалистов средней возрастной группы») вследствие экономического спада 1990-х годов; директивность административной культуры (только сверху вниз), ограничивающую восходящие академические инициативы (никакого снизу вверх); добавим сюда недостаточное владение английским языком — всемирным языком академического общения, в том числе для подготовки публикаций².

Структурным изменениям, кроме этого, препятствуют вызовы, связанные с организационной перестройкой и формированием институциональной идентичности в рамках более ранних инициатив, нацеленных на достижение академического превосходства. В 2005 г. в соответствии с одной из таких инициатив был отобран ряд региональных вузов для объединения в «федеральные университеты». Некоторые из них, наряду с другими ведущими вузами, в 2008–2011 гг. стремились попасть в категорию «национальных исследовательских университетов», сулившую как увеличение объемов федерального финансирования, так и ответственность за более всестороннюю интеграцию образовательной и исследовательской деятельности. Впоследствии многие из этих федеральных и национальных исследовательских университетов успешно подали заявки на участие в Проекте 5-100 с целью достижения статуса ведущих вузов в международном масштабе.

В 2014 г. Александр Повалко, тогда заместитель министра образования и науки, заметил, что, хотя между участвующими в данном проекте вузами много серьезных различий, каждый из них сосредоточен на том, чтобы достичь лидерства в России и признания на международном уровне в какой-либо области науки³. Требуется также найти баланс между программами, ориентированными на фундаментальные исследования, и программами при-

² Usher A. Structural Barriers to Russian Success in Global University Rankings // Higher Education in Russia and Beyond. 2015. Vol. 2. No. 4. P. 13–14.

³ Povalko A. Push for the Top // Times Higher Education. 2014. December 5. <<https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2015/brics-and-emerging-economies/analysis/push-for-the-top>>.

кладной направленности, преодолеть недостаток мотивации по развитию мульти- и междисциплинарности⁴. Хотя отбор вузов в Проект 5-100 был основан на показателях глобальной конкурентоспособности отдельных академических подразделений, усиление междисциплинарного подхода могло бы способствовать общему улучшению показателей, повышению позиций в международных рейтингах и привлечению иностранных студентов. Таким образом, инициативы правительства по выводу образования на уровень стандартов мирового класса побудили целый ряд вузов — тех, что академически слабее престижных МГУ и СПбГУ, но составляющих неотъемлемую часть образовательной экосистемы — предпринять шаги, направленные не только на расширение набора и повышение его качества, но и на оживление экономики регионов.

Соединенные Штаты и Россия столкнулись со сходными вызовами в обеспечении доступа к высшему образованию мирового класса для широких слоев населения. В 2010 г. в США на 100 тыс. жителей приходилось 6673 студента, что почти совпадает с российскими пропорциями: 6599 студентов на 100 тыс. граждан⁵. При этом в США усиление спроса на высшее образование в исследовательских университетах происходит на фоне роста численности и неоднородности населения, а в России — на фоне сокращения численности населения. Однако для Проекта 5-100 побочным эффектом сокращения численности населения и, как следствие, снижения численности абитуриентов стало укрепление глобальных позиций России как исследовательски сильной державы. И несмотря на массу трудностей, российские университеты, судя по международным рейтингам, добиваются положительных результатов.

⁴ *Safiullin M., Savelichev M., Smolnikova E.* Higher Education Institutions on the Way towards Multidisciplinarity // Higher Education in Russia and Beyond. 2014. Vol. 1. No. 1. P. 18–20. <http://herb.hse.ru/data/2014/05/30/1325398755/1HERB_01_Spring.pdf>.

⁵ *Carnoy M. et al.* University Expansion in a Changing Global Economy: Triumph of the BRICs? Stanford: Stanford University Press, 2013. P. 37 (рус. пер.: Карной М., Лоляка П.К., Добрякова М.С., Доссани Р., Фруммин И.Д., Кунс К., Тилак Дж., Ванг Р. Массовое высшее образование. Триумф БРИК. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014).

Успехи ведущих университетов мира часто приписывают их усилиям по воспроизведению модели американских исследовательских университетов. Но точное копирование этой модели, выполненное многими развивающимися странами, имеет очевидные недостатки. В США успешная реализация данной модели ограничена несоответствием между численностью потенциально способных студентов и высокими требованиями ведущих университетов. Многие университеты стали настолько селективными, что принимают лишь 5% абитуриентов. С моим коллегой Уильямом Дэбарсом в последующих главах мы описываем эту дилемму, связанную с ограничением доступа к высококачественному образованию в США, и предлагаем новую модель, по нашему мнению, более подходящую государственным исследовательским университетам: расширение доступа. Модель Нового американского университета является «американской» в том смысле, что возникла в ответ на потребности Соединенных Штатов, однако ее основополагающие компоненты актуальны для вузов и стран всего мира: академические платформы, развернутые к научным открытиям и производству знаний и связывающие образование с исследованиями; широкий доступ для студентов, представляющих самые разные демографические и социально-экономические группы; а также институциональная миссия, связанная с максимизацией своего воздействия на общество и экономику.

Майкл М. Кроу

Предисловие

Прежде чем в июле 2002 г. стать ректором Университета штата Аризона, я более 10 лет проработал в Колумбийском университете — читал курсы по научно-технической политике, разрабатывал новые инициативы и руководил их воплощением, дослужился до старшего проректора. Контраст между Колумбийским университетом, начинавшим одним из элитарных колониальных колледжей, впоследствии образовавших Лигу плюща, и Аризонским университетом, активно развивавшимся, но, по существу, ничем не примечательным провинциальным государственным университетом, отражал всю разнородность задач и масштабов деятельности порядка 200 американских университетов, считавшихся исследовательскими. Основанный до Американской революции как Королевский колледж, Колумбийский университет олицетворяет институциональную модель «золотого стандарта» американского высшего образования. Как и его государственные и частные аналоги, этот университет может похвастаться не только достижениями, но и строгим отбором учащихся. В отличие от этого, ASU (Arizona State University — Университет штата Аризона) — самый молодой среди исследовательских университетов страны и один из крупнейших государственных университетов (контингент студентов бакалавриата, магистратуры и программ профессионального образования превышает 76 тыс. человек), управляемых единой администрацией. Однако, если Колумбийский и ему подобные университеты лишь слегка отклоняются от привычной траектории, предначертанной им в иных случаях уже несколько веков назад, ASU сознательно пошел на серьезнейшую реконцептуализацию и превратился в ведущий государственный исследовательский университет — теперь это академическая система, базирующаяся на научно-исследовательской деятельности и производстве знаний, сохраняющая доступность для широких слоев населения во всем их социоэкономическом, национальном и региональном многообразии и оказывающая при этом максимальное воздействие на окружающее ее общественное пространство. Модель ASU я называю Новым американским университетом.

В представляемой вниманию читателя книге мы с моим коллегой Уильямом Дэбарсом исследуем диапазон деятельности и многогранность американских исследовательских университетов, а также контекст, позволяющий оценить их вклад в жизнь общества и те дилеммы и трудности, с какими подобные учебные заведения регулярно сталкиваются. Мы полностью разделяем точку зрения Фрэнка Роудса, почетного президента Корнелльского университета, назвавшего университет «самым значительным порождением второго тысячелетия»¹. Ведущие исследовательские университеты более, чем какой-либо другой тип образовательного учреждения, используют возможности производства знаний, и их роль с каждым годом лишь возрастает — ибо все более важной становится роль знаний. Наше общество все отчетливее зависит от образованных граждан и идей, продуктов и процессов, производимых такими университетами, поскольку лежащий в основе всего их функционирования принцип — переплетение преподавательской и исследовательской деятельности — нацелен и работает на усиление экономической и глобальной конкурентоспособности страны и повышение уровня и качества жизни. Эти учебные заведения — главная надежда нашего вида на выживание. И если реконцептуализация ASU представляет собой первый этап в освоении им модели Нового американского университета, сам процесс «проектирования» в ходе последнего десятилетия являл собой преобразование американского исследовательского университета как комплексного и адаптивного универсального научного предприятия, ориентированного на научные изыскания, творческий подход и инновации и доступного — в социальном и интеллектуальном плане — представителям самых широких слоев населения. Означенный курс подразумевает достижение беспрецедентного уровня универсальности, прежде пусть и почтавшегося желанным, но едва ли при том достижимым.

Любая объективная оценка наших научных предприятий, выполненная достаточно беспристрастно и отстра-

¹ *Rhodes F.H.T. The Creation of the Future: The Role of the American University. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2001. P. xi.*

ненно — например, с высоты облака Оорта, как однажды предложил почетный президент Мичиганского университета Джеймс Дудерштадт, — безусловно, раскроет в проекте немало фундаментальных просчетов. Нам приходится иметь дело с социальными и экологическими вызовами невообразимой сложности, но вместо того чтобы настроить институциональные механизмы на их преодоление, академическая культура лишь укрепляет существующие организационные структуры и практики, ограничивая свое видение дисциплинарными рамками и усиливающейся специализацией. На практике наши университеты зачастую действуют нерешительно в отношении насущных проблем и вызовов, отступая в зону комфорта абстрактного знания. Тысячелетняя организационная институциональная структура, называемая нами университетом, не эволюционировала сколь-либо существенным образом за пределами конфигурации конца XIX в. и не породила каких-нибудь новых проектов. Как ведущий архитектор проекта нового класса крупномасштабных мультидисциплинарных и междисциплинарных институтов в течение прошедших двух десятилетий в Колумбийском, а теперь и в Аризонском университете я признаю, что реконцептуализация вузов не обходится без просчетов, обусловленных их изначальными социокультурными барьерами, однако новые модели предлагают новые способы формулирования проблем и решения вопросов благодаря сотрудничеству множества команд и комбинированию разнообразных программ и инициатив.

Хотя усилия по преобразованию крупного государственного университета в адаптивное предприятие, выстроенное вокруг и на основе процесса производства знания (*knowledge enterprise*), в реальном времени и неординарны, если не беспрецедентны, реконцептуализация позволила академическому сообществу пересмотреть его приоритеты. Во многих случаях процесс проектирования позволял преподавателям и исследователям заново осмыслить свою миссию — служить на благо общества — и согласиться с нею; он содействовал усилиям по внедрению инноваций соразмерно масштабам и сложности вызовов, возникающих перед мировым сообществом. А по-

скольку установка на преодоление глобальных проблем уже прочно укоренилась в нашей институциональной культуре, педагогические и исследовательские инициативы университетов зачастую сильно напоминают постройку «воздушных замков». «Сверхамбициозные проекты начинаются с обращения к крупной проблеме: чему-то колоссальному, давно сложившемуся или глобальному по масштабам», пишет Астро Теллер, возглавляющий GoogleX (его он описывает как корпоративную «фабрику воздушных замков»). «Затем следует формулирование радикального решения — которое действительно помогло бы справиться с проблемой, существуй таковая в реальности... Наконец, потребуются и какие-то осязаемые доказательства того, что предлагаемое решение вовсе не столь безумно, как кажется на первый взгляд; доказательства достаточно убедительные, дабы поверить: при наличии должной творческой составляющей, усердия и настойчивости оно может быть реализовано»².

В определенном смысле реконцептуализацию Университета штата Аризона (равно как и те педагогические и исследовательские инициативы, что мы опишем ниже) можно сравнить с таким вот сверхамбициозным проектом. А потому я хотел бы посвятить нашу книгу всему академическому сообществу прошлого десятилетия, чья приверженность высоким стандартам, открытость и неослабевающая готовность внедрять инновации сделали возможной разработку описываемого проекта. Человеческая креативность, усердие и настойчивость суть отличительные черты американского исследовательского университета, и, используя концепцию мыслителей от Google, запустивших инновационную корпоративную инициативу Solve for X, мы могли бы сказать также, что фирменным знаком Нового американского университета является готовность найти X при помощи U ³.

² Astro Teller. Google X Head on Moonshots: 10 X Is Easier than 10 Percent // Wired. 2013. February 11. <<http://www.wired.com/2013/02/moonshots-matter-heres-how-to-make-them-happen/>>.

³ Имеется в виду стремление «найти средство (X) для решения глобальных проблем при помощи университета (U)». — *Примеч. науч. ред. пер.*

Итак, книга посвящена новой модели американского исследовательского университета, и, как к тому взывает столь сложная и многоаспектная тема, наш традиционный долг — сказать слова благодарности всем нашим коллегам, исследователям и экспертам академического сообщества и за его пределами; список для индивидуального упоминания на этой странице каждого стал бы слишком велик. Тем не менее было бы непростительным не выразить признательность тем, чьи эрудиция и компетентность, а в ряде случаев и консультации, нас вдохновляли. Читатели сами оценят, сколь мы обязаны лидерам академического сообщества, включая прежде всего Джонатана Р. Коула, Джеймса Дудерштадта, Вартана Грегорьяна и Фрэнка Роудса, чьи дальновидность и активные действия способствовали развитию модели и успехам американского исследовательского университета. Во всех наших дискуссиях незримо угадывается важнейший участник — академическое сообщество Университета штата Аризона, и в особенности те его представители, кто участвовал в проекте с момента его зарождения. Вклад коллег, обогативших наше исследование новыми идеями и нюансами, мы стараемся отразить в сносках, хорошо понимая, впрочем, всю уязвимость подобной попытки, ибо чтение столь великого множества благодарностей попросту утомит читателя. Наконец, мы хотели бы выразить признательность Грегори М. Бриттону, шеф-редактору издательства Johns Hopkins University Press, за его мудрую редакторскую правку.

Некоторые главы нашей книги содержат обновленные фрагменты текстов, опубликованных нами ранее в статьях и главах книг в соавторстве или самостоятельно. Мы благодарим всех редакторов и издателей за разрешение включить эти фрагменты в данную книгу. Фрагменты из главы «Университетские исследования и экономическое развитие: Закон Моррилла и рождение американского исследовательского университета»¹ вошли в главы 2 и 4.

¹ Опубликована в книге: *Precipice or Crossroads: Where America's Great Public Universities Stand and Where They Are Midway through* / ed. by D.M. Fogel, E. Malson-Huddle. Albany: State University of New York Press, 2012.

В главе 5 в дискуссии о междисциплинарности мы использовали отрывки диссертации Уильяма Дэбарса «Специализация и междисциплинарность: полемика и контекст в американском исследовательском университете» (Los Angeles, University of California, 2008)². Помимо этого, в главу 5 вошли несколько абзацев нашей статьи «На пути к междисциплинарности как стратегии американского исследовательского университета»³. В главу 1 включены отрывки из нашей статьи «Знание без границ: американские исследовательские университеты в мировом контексте»⁴. При анализе устойчивого развития в главе 6 мы опирались на фрагменты моей главы «Устойчивое развитие как основополагающий принцип Соединенных Штатов Америки»⁵ и статьи «Преодолевая логику каменного века»⁶. В рассуждениях о человеческих ограничениях, завершающих главу 6, использованы фрагменты моей статьи «Никто не посмеет назвать это высокомерием: пределы знания»⁷. Кроме того, в тексте книги использованы обновленные и дополненные фрагменты моей работы «Исследовательский университет как комплексная фабрика знаний: прототип Нового американского

² Ее фрагменты в качестве главы вошли также в другую книгу: *Crow M., Dabars W. Interdisciplinarity as a Design Problem: Toward Mutual Intelligibility among Academic Disciplines in the American Research University // Enhancing Communication and Collaboration in Interdisciplinary Research / ed. by M. O'Rourke et al. Los Angeles: Sage, 2013.*

³ *Crow M., Dabars W. Toward Interdisciplinarity by Design in the American Research University // University Experiments in Interdisciplinarity: Obstacles and Opportunities / ed. by P. Weingart, B. Padberg. Bielefeld: Transcript, 2014.*

⁴ *Crow M., Dabars W. Knowledge without Borders: American Research Universities in a Global Context // Cairo Review of Global Affairs. 2012. Vol. 5 (Spring).*

⁵ *Crow M. Sustainability as a Founding Principle of the United States // Moral Ground: Ethical Action for a Planet in Peril / ed. by K. Dean Moore, M.P. Nelson. San Antonio, TX: Trinity University Press, 2010.*

⁶ *Crow M. Overcoming Stone Age Logic // Issues in Science and Technology. 2008. Vol. 24. No. 2.*

⁷ *Crow M. None Dare Call It Hubris: The Limits of Knowledge // Issues in Science and Technology. 2007. Vol. 23. No. 2.*

университета⁸. Мы приложили максимум усилий, чтобы в сносках упомянуть все накопившиеся за годы комментарии и релевантные публикации. Глава с разбором кейсов использует материалы университетских отчетов, зачастую являющихся плодом коллективного (и неустановленного пофамильно) авторства. Во всех подобных случаях мы бы хотели поблагодарить наших коллег из Университета штата Аризона.

⁸ *Crow M. The Research University as Comprehensive Knowledge Enterprise: A Prototype for a New American University / ed. by L.E. Weber, J.D. Dunderstadt. Glion Colloquium Series. L.: Economica, 2010.*

ВВЕДЕНИЕ. НАЙТИ X ПРИ ПОМОЩИ U

«Важные для нас колледжи». Под таким заголовком журнал «Форбс» в одном из недавних выпусков заявил о намерении предложить свою версию рейтинга колледжей и университетов — и тем самым ступить на и без того тесную площадку, где до той поры доминировали рейтинговые продукты компании U.S. News and World Report. В подзаголовке же содержался вопрос: «Высшее образование все еще стоит своих денег?» Мнение автора, выраженное в соответствующей статье, неоднозначно. Он указывает на «возмутительно завышенную» стоимость обучения в элитных частных учебных заведениях, таких как Стэнфорд и Чикагский университет, за четыре года в потенциале превышающую четверть миллиона долларов. «Стоит ли оно того?» — риторически спрашивает обозреватель, без колебаний заключая: «Для множества студентов ответ, скорее всего, будет отрицательным — в случае если им не посчастливилось стать студентами одного из этих учебных заведений, занимающих верхние строчки в нашем ежегодном списке 650 лучших колледжей Америки»¹. Судя по всему, читатели должны отнестись к этому выводу как к данности, поскольку никаких дальнейших разъяснений не следует. Однако заявление, что колледж не окупает затрат на него — если только студент не обучается в одном из самых селективных учебных заведений страны, — весьма красноречиво говорит в пользу все громче заявляющей о себе позиции, которая при этом явно не стыкуется с действительностью большинства людей и грозит подорвать наше будущее — качество и уровень жизни, а заодно и экономическую конкурентоспособность страны.

¹ Noer M. America's Top Colleges // Forbes. 2012. August 20. По их расчетам, Университет штата Аризона занимает 226-е место, что намного ниже, чем в глобальных рейтингах, составленных со всей методологической тщательностью: в них он неизменно входит в сотню лучших. Подробнее о сомнительности данных подсчетов см. в главе 7.

Заголовки, возвещающие о кризисе в американском высшем образовании, похоже, множатся день ото дня. Отчеты о взлетевших ценах на обучение в колледжах и университетах страны соперничают за наше внимание с мрачными заявлениями экспертных институтов, укрепляющих скептицизм по отношению к государственным вложениям в то, что все чаще преподносится как сомнительное предприятие. Доносящиеся из недр академического сообщества жалобные речи наводят на мысль о необходимости трезвой переоценки ситуации, да только чаще остаются лишь злобным сарказмом, более свойственным заклятым врагам гуманитарных наук. Сей жанр стал уже столь привычным, что нет нужды приводить здесь полный спектр причитаний, а вполне достаточно будет ограничиться наиболее симптоматичными из высказываний, дабы передать сопутствующее им ощущение обреченности. Как доверительно сообщает нам заведующий кафедрой религиоведения Колумбийского университета Марк Л. Тэйлор, «кампус находится в кризисе», а «все иллюзии относительно образования вот-вот истаят»². «Высшее образование — это отрасль экономики с оборотом 420 млн долл.», — утверждают Эндрю Хэкер, почетный профессор политологии в Куинз-колледж Университета города Нью-Йорка, и журналист Клаудия Дрейфус, подталкивая дискуссию к обсуждению связей академического мира с коррумпированными корпоративными кругами. «Что люди — и наше общество в целом — выигрывают от этого?»³ — по их мнению, это очень большой вопрос. Питер Тиль, сооснователь и бывший управляющий системы PayPal, учредивший Стипендиальный фонд Тилиа, который выделяет гранты в 100 тыс. долл. для занятия предпринимательской деятельностью тем, кого отчислили из колледжа, комментирует проблему так: «Если вы сомневаетесь в экономической ценности колледжа,

² Taylor M.C. Crisis on Campus: A Bold Plan for Reforming Our Colleges and Universities. N.Y.: Alfred A. Knopf, 2010.

³ Hacker A., Dreifus C. Higher Education? How Colleges Are Wasting Our Money and Failing Our Kids — And What We Can Do about It. N.Y.: Henry Holt and Company, 2010.

его защитники без колебаний ответят вам — она бесценна». Но, как убеждает нас Тиль, здравый смысл неизбежно одержит верх над декадентством: «В скором времени проводить четыре года в аудитории, мучаясь от похмелья, будет устаревшей и непозволительной роскошью»⁴.

Студенты же Америки, по мнению социологов Ричарда Арума и Йосипа Рокса, «в академическом смысле брошены на произвол судьбы». И хотя в декларациях о своей миссии университеты обещают «научить студентов мыслить критически и интуитивно», привить выпускникам навыки «критического, аналитического и логического мышления» — что соответствовало бы «представлениям о том, что образовательные учреждения способствуют развитию человеческого капитала, то есть знаний, навыков и способностей, которые будут по заслугам оценены на рынке труда», — Арум и Рокса предостерегают: студенты получают лишь «ограниченное образование» ввиду недостаточной академической строгости, царящей в наших университетских кампусах. В доказательство авторы приводят «реальные примеры, дающие основания полагать, что прилежание студентов колледжей в последние десятилетия значительно ослабло» и что студенты предпочитают снисходительных профессоров. А поскольку в академической культуре приоритет отдается исследовательской работе, взаимный «договор о невовлеченности» между преподавателями и студентами лишь поощряет низкую успеваемость: «Я оставлю вас в покое, если и вы меня оставите», приблизительно так выразили бы свою позицию профессора. «Иными словами, я не буду загружать вас работой (не заставлю много читать и писать), и мне не придется оценивать всю эту гору ваших работ или объяснять, почему вы оказались не на высоте»⁵. В любом случае, по мнению почетного президента Гарвард-

⁴ Thiel P. College Doesn't Create Success // New York Times. 2011. August 25.

⁵ Arum R., Roksa J. Academically Adrift: Limited Learning on College Campuses. Chicago: University of Chicago Press, 2010. P. 2–6. Относительно «соглашения о снятии обязательств» Арум и Рокса цитируют работу: Kuh G.D. What We Are Learning about Student Engagement // Change. 2003. Vol. 35. P. 28.

ского университета Дерек Бока, большинство преподавателей в исследовательских университетах полагают, что «преподавание есть искусство либо слишком легкое, чтобы для него требовалась формальная подготовка, либо слишком личное, чтобы преподавать другим, либо же это что-то врожденное, что невозможно передать лишенному необходимого дара»⁶. В конце концов, по мнению Николаса Кристофа, профессоров в основном занимают академические исследования. В колонке *New York Times* он еще раз приводит распространенное утверждение: «Быть исследователем зачастую означает заниматься чем-то оторванным от жизни». И в то время как профессора в ином своем уединении «перегоняют собственные открытия в напыщенную прозу» ради маргинальной братии экспертов, ведомые ими учебные программы «взрастили культуру, где восславляется заумь для посвященных, на аудиторию взирают свысока, а реальное воздействие почитается задачей маргинальной и недостойной»⁷.

Хотя университет вроде бы представляет собой «потенциальную модель для свободной и рациональной дискуссии, место, где формируется сообщество на основе общей приверженности абстрактному знанию», канадский литературовед Билл Ридинг вместо этого обнаруживает «сообщество разобщенных». Наблюдательный исследователь американского высшего образования, Ридинг утверждает: «Редкие сообщества превосходят университетские в мелочности, ограниченности и порочности», резюмируя набор обычных обвинений в их адрес следующим образом: «Преподавание, как нам говорят, отодвигают на второй план в пользу исследовательской деятельности, тогда как последняя все менее отвечает вызовам реального мира и все менее доступна для понимания “широкому кругу читателей”». А по мере деграда-

⁶ Bok D. *Our Underachieving Colleges: A Candid Look at How Much Students Learn and Why They Should Be Learning More*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2006. P. 314. Цит. по: Arum R., Roksa J. *Academically Adrift*. P. 6.

⁷ Kristof N. *Smart Minds, Slim Impact* // *New York Times*. 2014. February 16.

ции института штатных должностей и распространения внештатных позиций и совместительства «профессорский состав пролетаризируется». В итоге, по его меткой оценке нынешних академических кругов, нам достаются лишь «университетские руины»⁸. Четвертью века ранее политический философ Алан Блум еще жестче прошелся по современной академической культуре. В книге «Ум за разум, Америка!»⁹ он показал, «как высшее образование подорвало демократию и опустошило душу сегодняшнего студента». Он обнаружил, что, помимо других присущих ей пороков, академическая среда является рассадником скрытого релятивизма или даже «нигилизма американского образца». Мы можем утешаться по крайней мере тем, что Блум признал за нашими колледжами и университетами хотя бы такую степень влияния и актуальности¹⁰.

Тенденция очевидна, однако подобного рода тирады только верхушка айсберга. Согласно оценкам откровенно либертарианского Центра политики в сфере высшего образования им. Уильяма Поупа, намеренного искоренить либеральные предрассудки в академических кругах и урезать бюджет на образование, финансирование высшего образования представляет собой не что иное, как «бес-

⁸ *Readings B. The University in Ruins.* Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996. Vol. 1. P. 180–181 (рус. пер.: *Ридингс Б. Университет в руинах.* М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2010. С. 282–283). За последние десятилетия сокращение доли штатных ординарных профессоров и кандидатов на эту позицию в американских колледжах действительно поражает. Цифры, приводимые Американской ассоциацией университетских профессоров (AAUP), показывают, что с 1975 по 2007 г. доля штатных профессоров и кандидатов на штатные позиции с бессрочным контрактом сократилась с 56,8 до 31,2%. По оценкам Департамента образования США, осенью 2009 г. совместители, внештатники и подрабатывающие аспиранты составляли более 75% всего преподавательского состава.

⁹ Такой перевод названия предложен Владимиром Гандельсманом. Книга более известна под названием, переведенным прямолинейно и плохо звучащим по-русски: «Заккрытие американского ума». — *Примеч. науч. ред. пер.*

¹⁰ *Bloom A. The Closing of the American Mind.* N.Y.: Simon and Schuster, 2012.

смысленную растрату средств налогоплательщиков»¹¹. В отчете Национальной ассоциации исследователей был особо отмечен Боудин-колледж как институциональный центр распространения либеральных веяний, «иллюстрирующий интеллектуальную и нравственную ущербность американского академического сообщества». Очевидно, студентов Боудина «поощряют “мыслить критически” обо всем, что может представлять угрозу догмам колледжа: о разнообразии и мультикультурализме, гендерном вопросе и устойчивом развитии и т.д., однако, по большей части, не относиться критически к себе самим»¹². Чарльз Мюррей, политолог и сотрудник американского Института исследований предпринимательства, считает получение степени бакалавра социально разобщающим и вредоносным: «Нам следует проткнуть наконец этот мыльный пузырь, коим на самом деле является степень бакалавра наук, — заявляет он в своей колонке в *New York Times*. — Степень бакалавра стала движущей силой классового расслоения в тот самый момент, когда она лишилась образовательного смысла». Он призывает силами какой-нибудь юридической фирмы, готовой защищать общественные интересы, оспорить конституционную правомочность требования указывать ученую степень бакалавра в качестве условия при приеме на работу¹³. В данном случае Мюррей, возможно, и отклоняется от сути вопроса, но при этом не упускает из внимания насущной потребности в продолжении образования. По его признанию, «почти каждый нуждается в дополнительном образовании после окончания средней школы. ...Вот в чем никто не нуждается, так это в погоне за этой злополучной допотопной бумажкой под названием “свидете-

¹¹ Pope J.W.; цит. по: Meyer J. State for Sale // *New Yorker*. 2011. October 10. P. 100–102.

¹² Wood P., Toscano M. What Does Bowdoin Teach? How a Contemporary Liberal Arts College Shapes Students. N.Y.: National Association of Scholars, 2013. P. 16. Фраза о «нравственной ущербности» взята из предисловия к докладу Уильяма Беннетта. Цитата о догмате приводилась Дэном Берреттом: Bowdoin College Suffers from Moral Deficit, Report Argues // *Chronicle of Higher Education*. 2013. April 3.

¹³ Murray Ch. Narrowing the Class Divide // *New York Times*. 2012. March 7.

тельство о присуждении ученой степени бакалавра гуманитарных наук». Мой основной тезис сводится именно к этому: степень бакалавра — от лукавого»¹⁴.

Как и подобает столь многоохватывающему социальному институту, современный исследовательский университет подвергается критическим нападкам со всех сторон, и среди этих нападков неизменно лидируют обвинения в нерентабельности. Клейтон Кристенсен, профессор Гарвардской школы бизнеса, недавно применил свою авторитетную теорию прорывных инноваций (ранее она позволила обнаружить тенденцию вытеснения доминирующих бизнес-моделей и рынков в результате появления новых, подчас неожиданных технологий — порой более примитивных, но и более дешевых) к высшему образованию. Идет ли речь об академической системе или же «продуктах — будь то компьютеры или хлопья для завтраков», он и его коллега Генри Дж. Айринг утверждают: манипуляции со все той же моделью — не что иное, как попытки следования курсом инноваций. Таким образом, «вузы, копирующие Гарвард и пытающиеся взлететь по карьерной “лестнице” Карнеги, всего лишь следуют диктату общепринятой логики бизнеса — пытаются дать клиентам то, чего те желают»¹⁵. В числе разнообразных недугов, обнаруженных Кристенсеном и др. в традиционной модели, — «множество конкурирующих предложений» (в духе льготных пакетов услуг) на тему «производства знаний (исследований), распространения знаний и обучения (преподавания), а также подготовки к жизни и карьере». Поскольку колледжи и университеты представляют собой «сочетание трех названных бизнес-моделей,

¹⁴ “Too Many Kids Go to College.” Intelligence Squared (IQ2) debate series. Chicago. 2011. October 12. <<http://intelligencesquaredus.org/debates/past-debates/item/550-too-many-kids-go-to-college-our-first-debate-in-chicago>>.

¹⁵ *Christensen C.M., Eyring H.J.* The Innovative University: Changing the DNA of Higher Education from the Inside Out. San Francisco: Jossey-Bass, 2011. P. 12–13. Кристенсен излагает теорию подрывных инноваций в работе: *The Innovator’s Dilemma*. Cambridge, MA: Harvard Business School Press, 1997.

являясь одновременно и консалтинговым агентством, и предприятием по производству добавленной стоимости, и модератором пользовательских сетей», они несут чрезмерные накладные расходы. В результате рядовой государственный университет напоминает конгломерат, объединивший в рамках одной организации «консалтинг от McKinsey, производственный процесс от Whirlpool и услуги страхования от Northwestern», т.е. «три фундаментально различные и несовместимые бизнес-модели»¹⁶.

Специалисты в области культуры, равно как и представители академического сообщества, живописуют различные этапы кризиса высшего образования, однако рассматриваемые детерминанты симптоматичны для целой группы более общих социальных тенденций, грозящих подорвать эгалитарную концепцию высшего образования — неотъемлемую часть нашей национальной идентичности с момента возникновения американской республики. Государственные вложения в высшее образование на протяжении XX в. обеспечили его небывалую доступность, не имеющую аналогов в мире. Эта общедоступность колледжей и университетов в нашей стране послужила трамплином для межпоколенной экономической мобильности и катализатором инноваций, что, в свою очередь, принесло процветание среднему классу в широком смысле¹⁷. Но затем государственное финансирование постепенно сокращалось, и движущая сила возросшей доступности образования, принесшей процветание столь многим в ходе последнего столетия, ослабла. В то же время наши ведущие учебные заведения становились все более элитарными и теперь поддерживают свое превосходство, отсеивая большинство кандидатов в ходе вступительных процедур. Как следствие, эгалитарные установки, столь естественные для мировоззрения основателей нашей республики и одно время воплощае-

¹⁶ Christensen C.M. et al. *Disrupting College: How Disruptive Innovation Can Deliver Quality and Affordability to Postsecondary Education*. Washington, DC: Center for American Progress. 2011. February. P. 3.

¹⁷ Goldin C., Katz L.F. *The Race between Education and Technology*. Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press, 2008. P. 11–43.

мые в государственных университетах страны, судя по всему, более не состоятельны. Мы обращаемся к данным вопросам в первых двух главах, рассуждая, есть ли доля истины во множестве приведенных здесь замечаний. Так, выдвинутое Чарльзом Мюрреем обвинение, что получение степени бакалавра стало «драйвером классового неравенства», на поверку оказывается отнюдь не безосновательным.

В современном обществе, где значение знаний как никогда велико, подобная критика достигает своего пика. «Мы переживаем переходный период: интеллектуальный капитал, интеллектуальные ресурсы заменяют финансовый и физический капитал как ключевые ценности на пути к нашему устойчивому развитию, процветанию и благосостоянию, — пишет Джеймс Дудерштадт. — Мы в самом прямом смысле вступаем в новую эру, эпоху знаний, когда ключевым стратегическим и необходимым для процветания ресурсом стало само знание — то есть образованные люди и их идеи»¹⁸. Однако, обнаруживает Дудерштадт, даже здесь, в условиях новой экономики знаний, сами учебные заведения, выпускающие и распространяющие валюту для нее, осаждены «экономическими, геополитическими и демографическими факторами, питающими мощные рыночные силы, которые могут коренным образом перевернуть всю систему высшего образования»:

Какими бы ни были его причины — будь то осознанная или непроизвольная реакция на ужесточение бюджетных ограничений и меняющиеся приоритеты государственного финансирования, — факт остается фактом: традиционное представление о том, что высшее образование есть общественное благо, то есть служит во благо всего общества, постепенно размывается... Без ограничивающего противодействия государственной политики, подкрепленной государственными инвестициями, рыночные силы могут одержать верх и перестроить систему высшего образования так, что многие из важнейших ценностей

¹⁸ Duderstadt J.J. A University for the TwentyFirst Century. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2000. P. 13–14.

и традиций университета, включая и их общественные цели, окажутся вытеснены далеко на обочину¹⁹.

Уже десятилетие назад Фрэнк Роудс смог разглядеть тернистый путь, на который предстоит ступить высшему образованию, и высказал свое мнение о вызовах, стоящих перед нашими колледжами и университетами, в довольно резких выражениях: «Индустрия образования» вскоре столкнется с той же болезненной «реструктуризацией», которая уже затронула здравоохранение, производство и другие отрасли и которую уже пережила система социальной защиты и муниципального управления». «Слияния, поглощения и стратегические альянсы скоро пополнят беззащитный академический словарь. Как и понятия «оптимизация штата» и «аутсорсинг»». Он сформулировал и более фундаментальные проблемы: «Сегодняшний университет не обладает единым общепризнанным центром. Весь он — сплошная периферия, круг дисциплинарных и профессиональных бастионов, борющихся за лучшее место и окружающих пустой центр». Отсутствует «связная концепция» задач академической деятельности²⁰. По этой-то причине Гордон Ги, тогдашний президент Университета штата Огайо, призывал к радикальной реформации колледжей и университетов: «Выбор, полагаю, таков: обновление либо вымирание»²¹.

«Вся критика в адрес колледжей и университетов основывается на двух подходах», замечает Джон Ломбарди, бывший президент университетской системы штата Луизиана:

В рамках первого стремятся реформировать существующие университеты, улучшить их за счет совершенствования функционирования. Такой подход — обычно

¹⁹ Duderstadt J.J. "Aligning American Higher Education with a Twenty-First Century Public Agenda," remarks to the Association of Governing Boards of Universities and Colleges / Miller Center for Public Affairs. Charlottesville: University of Virginia, 2008. June 8–10.

²⁰ Rhodes F.T. The Creation of the Future: The Role of the American University. Cornell University Press, 2001. P. 230–231.

²¹ Gee G. Colleges Face Reinvention or Extinction // Chronicle of Higher Education. 2009. February. P. 9.

его придерживаются те, кто верит в фундаментальную разумность идеи университета, — апеллирует к традициям и ценностям и сводится к попыткам приспособить последние к практическим реалиям современных экономических обстоятельств. Сторонники второго подхода настаивают, что университеты и многие колледжи в их нынешней форме уже не спасти или, во всяком случае, что они пребывают в серьезном кризисе... Далее, в зависимости от позиции конкретного критика, предлагается заменить существующие университетские структуры совершенно новыми образовательными организациями, выдвигаются радикальные или же реформистские предложения по изменению действующих стандартов и внедрению новых²².

Хоть Ломбарди и полагает, что названные подходы являются взаимоисключающими, мы считаем, они дополняют друг друга. И далее мы покажем, что американские исследовательские университеты — действительно самые гибкие и открытые для преобразований (на сегодняшний день — или даже за всю историю цивилизации), — однако реформа в значительной мере связана именно с преобразованием существующей организации и пересмотром привычных практик.

В последующих главах мы обстоятельно изучим императивную потребность в новой модели для американского исследовательского университета, которая в большей степени отвечала бы потребностям нашего общества XXI в. Внутренние ограничения нынешней модели ослабляют потенциал университетов в обеспечении ими необходимого уровня образования достаточному числу граждан и мешают противостоять многочисленным вызовам современности. Разумеется, в строгом смысле единой, законодательно закрепленной модели американского исследовательского университета не существует — скорее, следует говорить о целом ряде ее вариаций, поскольку рассматриваемый спектр организаций

²² John V. Lombardi, *How Universities Work*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2013. P. 30–31.

включает государственные и частные университеты, значительно различающиеся по масштабам, — от небольших частных заведений, как Дартмут и Массачусетский технологический институт, до крупных государственных университетов, как Университет штата Огайо. Однако, на наш взгляд, все эти вузы обладают и поразительным сходством, которое, как мы считаем, и оправдывает использование в аналитических целях модели, которую мы назовем «золотым стандартом» американского высшего образования. Новый же американский университет как модель дополнит аналитический инструментарий для изучения ключевых, наиболее успешных исследовательских университетов и станет лишь одной из множества возможных моделей для описания институтов подобного типа. С одной стороны, Новый американский университет — используем для его обозначения заглавную букву — предполагает широкую доступность академической платформы (ориентированной на исследования и применение педагогического инструментария для производства знаний) представителям различных демографических и социально-экономических групп региона и страны в целом, а с другой — благодаря широте выполняемых ею функций, — максимизацию воздействия этой платформы на общество сообразно потребностям страны и в объеме, пропорциональном масштабу набора в высшие учебные заведения.

В главе 1 мы рассмотрим современный социетальный контекст американского исследовательского университета и начнем дискуссию о различных взаимосвязанных аспектах и измерениях ведущих исследовательских университетов — коих примерно сотня (как государственных, так и частных), плюс еще сотня менее известных учреждений подобного рода с менее объемным исследовательским портфолио. Здесь и далее мы стараемся описать контекст, в котором разворачивается дилемма современного американского исследовательского университета, предложить свою интерпретацию присущих ему недостатков и дополнить модель новыми параметрами. Мы стремимся показать, что реализация модели подразумевает реконцептуализацию американского исследова-

тельского университета как комплексного и адаптивного универсального научного предприятия, занятого исследованиями, изобретениями и созданием инноваций и открытого самым широким слоям населения как в социально-экономическом, так и интеллектуальном плане. Однако каждое учебное заведение должно воплощать модель в жизнь в соответствии со своим собственным уникальным профилем, определяемым его миссией и средой; характеристиками его академического коллектива; разнообразием входящих в его структуру колледжей, факультетов и кафедр; а также степенью открытости и готовности к служению на благо общества. Любая всесторонняя реконцептуализация какого-либо учреждения или института должна, таким образом, учитывать внутреннюю логику их развития, в особенности если речь идет о таком комплексном организме, как крупный исследовательский университет. Эта внутренняя логика определяет все процессы адаптации, инновации и эволюции. Поэтому в задачи нашей книги не входит формулирование универсальных предписаний, применимых в любом контексте. Скорее мы намерены привлечь внимание к необходимости более точной фокусировки и полномасштабной дискуссии, итоги которой можно будет после калибровки на месте применять к конкретным учебным заведениям.

В главе 1 анализируется также адекватность современных представлений о том, что правительство в определенной мере ответственно за поддержание уровня образования своих граждан. Мы рассматриваем эгалитарную концепцию высшего образования, сформулированную еще во времена возникновения американской республики, и меритократические установки, сформировавшие нарративный горизонт нашего демократического эксперимента. В контексте такого объединения экономических, политических и социальных течений, сделавших возможным зарождение Американской мечты и породивших на свет «американское столетие», исследуются социальные ценности, которые сформировали концепцию общественного договора, вызвавшего к жизни передовой для всего мира уровень образования и исследовательской деятельности, способствовавшей повсеместному росту уровня

благополучия. Мы рассмотрим доказательство того, что вплоть до последней четверти минувшего столетия доступ к образованию в колледжах служил миллионам в качестве трамплина для межпоколенной экономической мобильности²³. Не будет обойден вниманием и последовавший за этим, несмотря на успешность обсуждаемой здесь модели, спад в государственных инвестициях в высшее образование. Сокращение инвестиций совпадает со снизившимися показателями уровня образования и все более резкими различиями в доходах, как и со сворачиванием перспектив молодых поколений. Подобный разворот приходится на то время, когда все большее число американцев стремятся получить высшее образование, осаждая институты, готовые принять студенческий контингент лишь в объеме потребностей довоенной эпохи. Мы приступаем к рассмотрению эффектов дефицита образовательной инфраструктуры и плачевных последствий практики приема, основанной на принципе исключения и тем самым лишь укрепляющей социальную стратификацию, которую закрепили как «воспроизводство привилегий»²⁴. Эта характерная для исследовательского университета отягощенность перечисленными взаимосвязанными измерениями послужит основой нашей аргументации, завершится же глава кратким изложением соображений относительно необходимости новой модели для проведения модернизации упомянутых учреждений.

Исторические предпосылки возникновения модели Нового американского университета рассматриваются в главе 2, которую открывает краткий обзор прежних моделей, — эволюционируя, они сближались отдельными гранями и в конце концов в последние десятилетия XIX в. образовали новый институциональный тип. Его наиболее вероятный прообраз — Университет Джонса Хопкинса (учрежден в 1876 г.), вобравший элементы двух моделей: с одной стороны, в нем сквозит «коллегиальная» модель Оксфорда и Кембриджа — обучение бакалавров предпо-

²³ Goldin C., Katz L.F. *The Race between Education and Technology*. P. 11–43.

²⁴ Carnevale A.P.; цит по: Edsall T.B. *The Reproduction of Privilege* // *New York Times*. 2012. March 12.

лагают их проживание в университетском кампусе, а с другой — немецкая модель, олицетворяемая Берлинским университетом, — акцент в этом случае на развитии научных исследований и углубленной специализации в магистратуре. Есть и третья составляющая новой модели — так называемые земельные наделы университетам и колледжам, выделявшиеся согласно Закону Моррилла (принят Авраамом Линкольном в разгар Гражданской войны). Утилитарные установки, которые Акт поощрял среди государственных университетов и нескольких ведущих частных «земельных» учебных заведений, способствовали становлению американского исследовательского университета, ориентированного на научные исследования, технологические инновации и тесные связи с бизнесом и промышленностью.

В главе 2 мы также проанализируем, как децентрализация американского высшего образования способствовала конкуренции учебных заведений на «академическом рынке»²⁵. Интеграция обучения с фундаментальными и прикладными исследованиями закрепила институциональный тип, позволяющий обеспечить образование последующих поколений граждан и внести весомый вклад в экономическое развитие. В этом контексте мы рассмотрим последствия Второй мировой войны для сферы образования и расширение государственной поддержки исследовательской деятельности в университетах. Оно было инициировано Ванневаром Бушем, советником президента Франклина Д. Рузвельта и директором-основателем Управления научных исследований и разработок (Office of Scientific Research and Development — OSRD). Его доклад «Наука — бесконечные рубежи» проложил русло научно-технической политики во время войны и создал прецедент для обоснования федеральных инвестиций в фундаментальные исследования в мирное время. Итогом этой политики в послевоенную эпоху явился так называемый университет холодной войны, именуемый

²⁵ *Graham H.D., Diamond N. The Rise of American Research Universities: Elites and Challengers in the Postwar Era. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1997.*

сенатором Дж. Уильямом Фулбрайтом «академическим военно-промышленным комплексом»²⁶. Краткий очерк о Гарвардском университете по случаю его 375-го юбилея дает представление о несоответствии масштабов приема в вузы, оставшихся на уровне элитных университетов, растущему спросу на образование и интересам всей страны. Завершается глава 2 построением эволюционной кривой университетов в западном мире: она указывает на императивную потребность в обновленных учебных заведениях, следующих духу предпринимательства и способных удовлетворить возросший спрос.

За исключением, пожалуй, лишь религиозных и судебных институтов, немногие институты современного общества так же крепко держатся традиций, как академическое сообщество²⁷. В главе 3 мы обращаемся к «темной стороне» академической культуры и анализируем присутствующую последнюю тягу к престижу, которая ведет к институциональному изоморфизму — парадоксальной тенденции организаций и институтов в определенных секторах копировать друг друга и все больше гомогенизироваться. Институциональный изоморфизм есть «процесс сдерживания, вынуждающий одну социальную группу походить на другие, сталкивающиеся с тем же набором условий окружающей среды»²⁸. Это чрезмерное почитание традиции — или же филиопиетизм — культивирует единообразное мышление, порождающее неразличимые учебные заведения — условный «типовой государственный университет»; в частных университетах та же тенденция проявляется в «гарвардизации». Склонность учебных заведений к имитации референтных для себя образцовых

²⁶ *Leslie S.W.* The Cold War and American Science: The Military Industrial Academic Complex at MIT and Stanford. N.Y.: Columbia University Press, 1993. P. 2.

²⁷ *Clark W.* Academic Charisma and the Origins of the Research University. Chicago: University of Chicago Press, 2006 (рус. пер.: *Кларк У.* Академическая харизма и истоки исследовательского университета. М.: Изд. дом ВШЭ, 2017).

²⁸ *DiMaggio P.J., Powell W.W.* The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields // *American Sociological Review*. 1983. Vol. 48. No. 2. P. 149.

институтов мы считаем свидетельством их стремления к легитимности с типичной ориентацией на престижность²⁹. В данном контексте мы рассматриваем сопутствующие крупным бюрократическим структурам рутину, стандартизацию, инерцию и конформизм³⁰. Предложив краткое описание случаев сопротивления реформам в американском высшем образовании, мы завершим главу обзором конструктивных аспектов этой традиции на примере гуманитарных и естественных наук.

Преобразовательный эффект, оказываемый американским исследовательским университетом на уровень, качество жизни и экономическую конкурентоспособность страны, изучается в главе 4. В ней мы сосредоточим внимание на производстве знаний в крупнейших исследовательских университетах, которое дополняет их роль в образовании последующих поколений во всех сферах человеческой деятельности. Мы рассмотрим важнейшие аспекты экономических эффектов, возникающих благодаря интеграции научных исследований и разработок в учебный процесс в университетских кампусах нашей страны и с середины XX в. вносящих неоценимую лепту в рост американской экономики. Мы остановимся и на роли этих институтов в деле производства новых знаний, производства, ведущего к непрерывным инновациям, — это идеи, продукция и процессы, которые способствуют развитию глобальной экономики знаний, — а также рассмотрим их посредническую роль в обеспечении взаимосвязей между фундаментальными исследованиями и процессами их внедрения, в результате чего возникают новые отрасли промышленности и инновационные кластеры. Научные открытия и технологические инновации, являющиеся продуктами академических исследований, повсеместно признаются определяющими для хода экономического развития, во второй половине XX в. пре-

²⁹ *Toma J.D.* Institutional Strategy: Positioning for Prestige // *The Organization of Higher Education: Managing Colleges for a New Era* / ed. by M.N. Bastedo. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2012. P. 119.

³⁰ Классическое исследование бюрократии представлено в работе: *Downs A.* Inside Bureaucracy. Boston: Little Brown, 1967.

вратившего Соединенные Штаты в ведущую мировую супердержаву. Мы кратко остановимся на воздействии исследовательских университетов как центральных региональных инновационных кластеров, воздействии, наиболее ярко и показательно проявившемся на примере взаимосвязей между Стэнфордским университетом и Силиконовой долиной, а также между Гарвардским университетом и Массачусетским технологическим институтом и Шоссе 128 (окружная автомагистраль, связывающая местные промышленные предприятия. — *Примеч. пер.*) в Бостоне; будет отмечено и место исследовательских университетов в нашей национальной инновационной системе.

Институциональное проектирование — далеко не второстепенный, только лишь сопутствующий производству и распространению знаний, административный вопрос. В главе 5 мы подробно остановимся на тесных взаимоотношениях между ними. В главе вводится понятие институционального проектирования, рассматриваются последствия проектировочных недостатков настоящей модели и потенциальные возможности новой модели американского исследовательского университета. Проектирование — основополагающее понятие Нового американского университета, и именно подробности практики институционального проектирования мы и рассматриваем в главе 5, в особенности в контексте организации исследовательской работы и реализации междисциплинарности и устойчивости развития.

Прагматизм признают наиболее значимым вкладом нашей страны в философию, и в главе 6 мы приводим очерк о нем для разъяснения его влияния на американский исследовательский университет. Прагматизм характеризуется вниманием к практическому применению знания при наличии общественного согласия и тем самым являет собой не в полной мере оцененную базу педагогического и исследовательского предприятия Нового американского университета. Позиция прагматика, увязывающая знание с действием, по умолчанию определяет концептуальные рамки новой модели, в особенности его озабоченность тем, чтобы знание вело к действию с целью

преобразовательного эффекта в реальном мире. В данном контексте мы рассмотрим роль научного сообщества в поддержке концепции устойчивого развития и задачу последнего, предполагающую обеспечение сбалансированности производства материальных ценностей с постоянно улучшаемыми экологическими показателями и уровнем социального благополучия. Мы убеждены, что академический сектор должен принять на себя лидерство в управлении нашим, все ускоряющимся, воздействием на окружающую среду планеты.

В результате всеобъемлющей реконцептуализации Университет штата Аризона стал основополагающим прототипом для модели Нового американского университета. В главе 7 предлагается разбор реализации этого проекта с описанием процесса проектирования, предпринятого с целью преобразования Университета штата Аризона из развивающегося регионального государственного исследовательского университета с нестабильной репутацией в учебное заведение, конкурирующее в научном отношении с ведущими университетами мира — даже несмотря на то, что оно открывает доступ к системе разработок и производства знаний широким слоям населения, отражающим все социодемографическое и социоэкономическое разнообразие региона. Реконцептуализация, начатая в 2002 г., представляет собой полномасштабный институциональный эксперимент, проводимый в реальном времени, который был назван изданием *Newsweek* «одной из наиболее радикальных модернизаций в сфере высшего образования с момента возникновения в Германии XIX-го века современного исследовательского университета»³¹. Как отмечается в колонке редактора журнала *Nature*, вопросы о структуре и актуальности современного исследовательского университета не рассматривались «нигде столь глубоко, как в Университете штата Аризона»³². «Он изменился коренным образом, став впечатляющим учебным

³¹ *Theil S.* The Campus of the Future: To Better Compete, A Few Bold Leaders Are Rethinking Their Schools from the Ground Up // *Newsweek*. 2008. August 9.

³² *The University of the Future* // *Nature*. 2007. Vol. 446. April 26. No. 7139.

заведением, — замечает Фрэнк Роудс. — Он послужит образцом для всей страны»³³. В заключении мы обобщаем сказанное: наши колледжи и университеты должны быть готовы указать направление и цели художественного и гуманитарного развития, общественно-научного познания, научных изысканий и технологических инноваций, являющихся плодами академической культуры и нашей главной надеждой в процессе преодоления возникших в XXI в. вызовов.

Если основание колониальных колледжей начиная с Гарварда в 1636 г. представляло собой первую волну так называемого высшего обучения, докатившейся до наших берегов от Британии и европейского континента, то открытие различными штатами самых разных государственных колледжей на протяжении последующих двух столетий стало второй волной. Все эти региональные колледжи занимались почти исключительно преподаванием, однако с третьей волной мы встречаем и первые перемены в направлении прикладных исследований в университетской среде, пусть и тесно связанных с сельским хозяйством и нуждами местной промышленности и по большей части ограниченных тем, что можно охарактеризовать как «чисто практическое решение проблем»³⁴. «Земельные» колледжи и университеты, основанные в десятилетия, следовавшие за Гражданской войной, и стали этой третьей волной, ключевой для зарождения исследовательской базы в 15 вузах, которые между 1876 и 1915 г. сформировали институциональную форму современного исследовательского университета³⁵. Около двух сотен университетов — сотня занимается исследованиями широкого профиля и сотня относительно узко

³³ Rhodes F.; цит. по: *Macilwain C. The Arizona Experiment // Nature. 2007. Vol. 446. April 26. No. 7139.*

³⁴ *Rosenberg N. Nelson R.R. American Universities and Technical Advance in Industry // Research Policy. 1994. Vol. 23. No. 3. P. 323–348.*

³⁵ *Crow M.M., Dabars W.B. University-Based Research and Economic Development: The Morrill Act and the Emergence of the American Research University // Precipice or Crossroads: Where America's Great Public Universities Stand and Where They Are Going Midway through Their Second Century / ed. by D.M. Fogel. Albany: State University of New York Press, 2012. P. 119–158.*

специализированы — образовали группу американских исследовательских университетов (и четвертую волну в американском высшем образовании соответственно), явив собой наиболее сложный и разнородный тип структур по производству знаний за всю их историю. Не менее примечательно, что типы учебных заведений, характерные для трех описанных нами предшествовавших стадий развития, — элитные гуманитарные колледжи, по размаху деятельности и целям не сильно отличающиеся от колониальной эпохи; региональные колледжи, сосредоточенные на преподавании; и крупные государственные университеты, более или менее сосредоточенные на обучении стандартному набору базовых дисциплин, — никуда не исчезли, а сосуществуют и процветают на академическом рынке. Более того, мы утверждаем, что движущая сила четвертой волны уже иссякла. А возможно, и это будет более аккуратное наблюдение, некоторое движение на горизонте говорит о надвигающейся пятой волне в американском высшем образовании³⁶.

³⁶ Конечно, есть и более детальные и точные схемы развития американского высшего образования. Так, Роджер Гейгер выявляет десять поколений, «в каждом из которых, или приблизительно в каждые тридцать лет», характер американского высшего образования «ощутимо меняется». См.: *Geiger R. The Ten Generations of American Higher Education // Higher Education in the TwentyFirst Century: Social, Political, and Economic Challenges. 3rd ed. / ed. by Ph.G. Altbach, P.J. Gumpport, R.O. Berdahl. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2011. P. 37–68.*

Научное издание

Библиотека журнала «Вопросы образования»

М. КРОУ, У. ДЭБАРС

МОДЕЛЬ НОВОГО АМЕРИКАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Главный редактор

ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Заведующая книжной редакцией

ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА

Редактор

ИРИНА ОСТАЩЕНКО

Художник

ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Верстка

СВЕТЛАНА РОДИОНОВА

Корректор

ВАЛЕРИЯ КАМЕНЕВА

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

тел.: (495) 772-95-90 доб. 15285

Подписано в печать 09.08.2017

Формат 60×90/16. Гарнитура PT Serif

Усл. печ. л. 27,5. Уч.-изд. л. 22,85

Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

Изд. № 2063. Заказ №

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

www.chpd.ru, e-mail: sales@chpd.ru, тел.: 8 (499) 270-73-59